

Козёл козёл. Мифологические представления о К. подчёркивают прежде всего его исключительную сексуальность (в сниженном виде — похотливость) и плодовитость.

Отсюда его связь с божествами и другими мифологическими персонажами, олицетворяющими эти качества, — литовским Перкунасом, славянским Перуном, скандинавским Тором — вплоть до громовержца в так называемом основном индоевропейском мифе, а также божествами, так или иначе связанными с плодородием, в частности с буйной растительностью — Пушаном у индийцев (при жертвоприношении коня он получил в качестве своей доли К., поэтому колесница его, так же как колесница Перкунаса, Перуна, Тора и др., запряжена К.; ср. выражение «служить за козла на конюшне»), Пушкайтсом у пруссов (Пушкайтс связывается с бузиной, которая в других традициях, например у румын, соотносится с К.), Паном у греков (имена Пана, Перуна, Пушкайтса, вероятно, восходят к общему индоевропейскому корню *pus*, «расцветать, делать плодородным»). Аспект плодородия подкрепляется также свидетельствами, почерпнутыми из ритуальной сферы.

С Пушкайтсом соотносится обряд жертвоприношения К. и связанная с ним символика изобилия (ср. также мотив жертвоприношения К. козлоногому, козлорогому и козлобородому Пану, сопоставимый с мотивом превращения в К. Диониса, в свиту которого входит Пан).

Русская сказка о «козе лупленой» и словацкая ритуальная игра в козу содержат мотивы выживания козой из своего жилища всех других животных и последующего изгнания самой козы пчелой или ежом. Насильственное извлечение мифологического персонажа, олицетворяющего плодородие, из своего убежища позволяет — через ряд промежуточных этапов — сопоставить козу с образами древних переднеазиатских божеств плодородия типа хеттского Телепинуса, также ужаленного пчелой и после этого вышедшего наружу.

В некоторых традициях ритуалы плодородия предусматривали сожигание женщины с К. Вместе с тем наряду с аспектами плодородия в мифах и особенно в восходящих к ним традиционных представлениях фигурирует бесполезность и непригодность К., иногда козы (ср. выражения: «как от козла ни шерсти, ни молока», «козла доить» и др.), некая его сомнительность, нечистота, несакральность (ср. противопоставление К. или козлий агнцу). К. связывается и с нижним миром и тем самым с жертвоприношением особого рода: по славянским поверьям, водяного можно умиротворить шерстью чёрного козла,

злой домовый мучает всех животных, кроме К. и собаки (ср. также представление о козлином копыте дьявола); у некоторых народов во время похоронного обряда чёрный козёл приносился в жертву, чтобы служить умершему пищей, которая поможет ему возродиться (следы этих представлений прослеживаются в библейском сюжете «козла для отпущения грехов», Лев.

16, 9–10). Мотив жертвоприношения прослеживается также в поздних (в основном фольклорных) источниках. В сказке об Алёнушке и братце Иванушке, обнаруживающей несомненные связи с ритуалом, подчёркивается мотив замышляемого убийства обращённого в К. Иванушки; при этом убийство изображается как некое жертвоприношение («огни горят горячие, котлы кипят кипучие, точат ножи булатные, хотят козла зарезати», ср. также выражения «забивать козла», «драть козу», «драть, как Сидорову козу»).

В этом же контексте находятся и такие обрядовые действия, как рождественские и масленичные обходы «туроня» в сопровождении старого деда-стрелка, пытающегося стрелой или палкой поразить «туроня», или игры ряженых с козой, причём сначала поётся: «Где коза ходит, там жито родит», где коза ногою, там жито копною» (аспект плодородия), после чего козу убивают стрелой, затем она вновь оживает, и снова поётся песня о плодородии. В последнем обряде, как и в русской сказке, выделяются два мотива: мотив не состоявшегося заклания К. или козы (смерть оказывается мнимой, или же после смерти снова наступает жизнь) и мотив травестийности (К. — превращённый Иванушка; «туроня» изображают два человека; ср. загадки о К.: «С бородой уродился, богу угодился, святой быть не может», «С бородой, а не мужик» и представление о К. как превращённом добром молодце в сказке «Сопливый козёл», — Афанасьев, № 277). Мифологическая история К. углубляется с привлечением материалов палеолитической живописи, а также искусства и фольклора позднейших эпох (сюжеты типа «К. у дерева» или «К., запутавшийся в ветвях» — статуэтка из Ура, вплоть до «Как пошёл наш козёл да по ельничку»), установлением связи К. с другими божествами — Герой, Дионисом, Афродитой; Агни, Варуной, Индрой; Мардуком, Таммузом, Нингирсой, Эя и др.

Иногда с К. соотносятся некоторые мифологически и сакрально отмеченные атрибуты, позволяющие восстановить важные звенья мифологических представлений о связи К. с божествами грозы. Эгис, или эгида (собств. «козья шкура»), — атрибут Зевса, Афины, иногда и Аполлона.

По Гомеру, эгида представляет собой щит, изготовленный Гефестом для Зевса (отсюда

Козёл

Автор: admin
06.11.2011 02:38 -

Зевс-Эгиох). Позднее считалось, что эгида — это шкура козы Амалфеи, натянутая на щит (некоторые исследователи видят здесь воспоминание о древнейшем обычае защищать левую руку козьей шкурой); другой вариант мифа изображает эгиду как огнедышащее чудовище, порождённое Геей и убитое Афиной, сделавшей себе из него щит (с середины VI в. до н. э. щит-эгида из козьей шкуры становится постоянным атрибутом Афины; ежегодно на Акрополе в жертву Афине приносился козёл, шкура которого как эгида возлагалась на статую богини); ср. также представление о К. как символе тучи, скрывавшей молнии Зевса, и индоевропейский образ К. как зооморфного символа молнии, грома.

Образ К. связывается также с астрономической и временной символикой (ср. Capricornus, или «рогатый К.»); Козерог как один из знаков Зодиака, название месяца, связанного с К. в китайском и некоторых других анимальных календарях; К. как минойский бог убывающего года, в отличие от барана как бога прибывающего года и т. п. Ср. также символику образа К. в народной медицине, геральдике, толкованиях снов (сладострастие, плодородие, богатство, жизнь — смерть, глупость, непостоянство в любви) и т. д.

Литература :

Богатырев П. Г., Вопросы теории народного искусства, М., 1971, с. 34—37;
Топоров В. Н., Русское «заби(ва)ть козла», в сб.: *Studia linguistica A. V. Issatschenko*, Lisse, 1978;
Frazer J. G., *The Scapegoat*, L., 1925.